

Язык Пушкина, родной мне с детства, я променяла на язык Флобера еще в самом начале фестиваля, когда пыталась частным образом встретиться с французской кинозвездой Мишель Мерсье, выдавая себя, корреспондента «ЭС», за корреспондента известной телекомпании «Антенн-2». Ибо французским журналистам на фестивале телефоны звезд дают, а отечественным нет.

С режиссером Клодом Шабролем, представившем на конкурс свою работу «Госпожа Бовари», я, само собой, тоже говорила на языке Флобера, задавая ему на пресс-конференции не бог весть какой вопрос, но зато собственный. Я еще не ведала, что фортуна подстерегает меня в нескольких шагах. И при этом не только не осуждает моих действий, но, наоборот, подталкивает к новым приключениям. Два молодых человека с камерой и микрофоном представились мне корреспондентами телекомпании «Антенн-2» и предложили советской франкоязычной журналистке прямо сейчас сделать интервью с господином Шабролем для французского телевидения. «Классная афера», — подумала я и согласилась.

— Господин Шаброль, вы, известный представитель авангардизма, не побоялись взяться за роман Гюстава Флобера? Что это — наприз, причуда мастера?

— Нет, иные убеждения. Будучи ревностным поклонником Флобера, я искренне полагал: «Госпожу Бовари» экранизировать нельзя. Было слишком очевидно: роман завершен. Форма и содержание сочетаются в нем настолько гармонично, что являют изобразительность. Для меня, человека с кинематографическим мышлением, этот роман то же, что фильм, уже раз снятый. Каждые десять лет я перечитывал «Госпожу Бовари» и каждый раз заново убеждал себя: «Это экранизировать нельзя».

— Следовательно, вы сами себя провоцировали на то, что желание снять «Госпожу Бовари» разжигалось все сильнее?

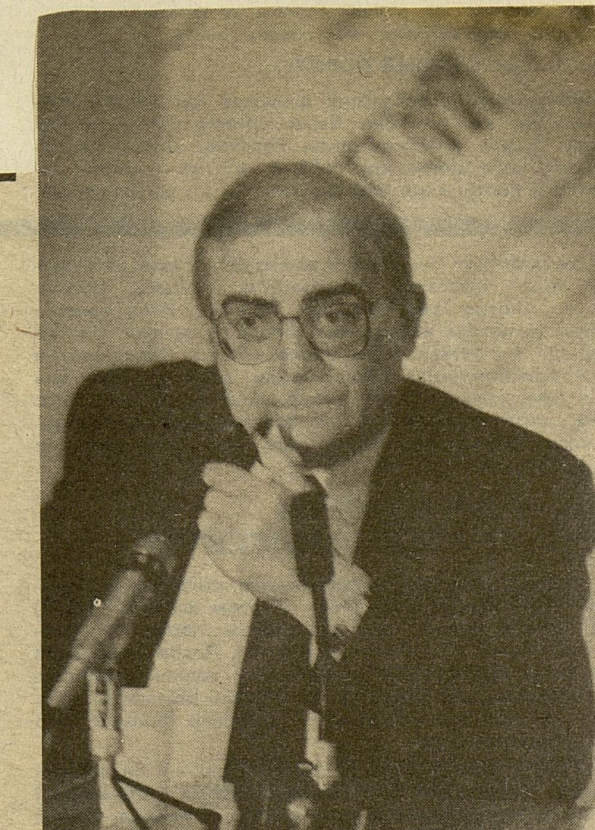
— В этом главный парадокс истории создания фильма. Перечитав роман в последний раз, я понял, что хочу пережить его завершенность так, как будто я сам — автор. Понимаете? Хочу родить роман еще раз, дать ему вторую «изобразительность» — чисто кинематографическую. И мне был дан знак: я встретил Изабель Юппер и понял: «Вот Эмма Бовари».

— Знакомство с Юппер оказалось последней каплей в вашем сомнении?

— Все гораздо фатальнее. Просто, если бы мне не случилось было экранизировать Флобера, я и не встретил бы Изабель.

— Вы суеверны?

— Когда речь идет о моем кино, да. В процессе адаптации сценария я больше всего опасался нарушить поставленный перед собой принцип: ни за что не изменять идеи Флобера.

Я повесил на стенку его портрет. И портрет, хотите верить, хотите нет, как в небезызвестной притче о Дориане Грее, корчил мне гримасы, если я делал нечто вопреки авторской идее, или улыбался, если мне что-то удавалось передать точно.

— Что же вы делали, когда великий классик «высказывал» неудовольствие?

— Садился и переписывал заново главу. Таким образом, за пять месяцев я закончил сценарий своей «Госпожи Бовари». Можно сказать, что книга была написана в целом за пять лет и пять месяцев. То есть пять лет ее писал Флобер. Пять месяцев ее писал я. Надо сказать, писатель куда больше поработал!

— Следуя педантично сюжету романа, вы не опасались сделать слабую его копию, без авторского начала, как у нас теперь говорят? Тем более вы сами признались, что трудились куда меньше над литературным сценарием, чем подлинный автор над своей книгой.

— Я не думал ни о чем

таком. Главное было следовать Флоберу. И я старался во время работы над сценарием идентифицировать себя с главной героиней. Это оказалось куда легче, чем отождествить себя с самим Флобером. Нужно было перенимать его привычки, входить в его мировоззрение, как в свое, мириться с какими-то чертами его характера, мне чуждыми. Это было сложно.

— Флобер изрек однажды: «Эмма — это я». Вы не могли бы сказать о себе так же?

— Честно говоря, я до конца не уверен, что Флобер произнес эту фразу на самом деле. Хотя это очаровательный посыл! Можно лишь преклоняться перед автором, сумевшим стать личностью, во всем ему противоположной, даже в принадлежности к полу. При чем заметить: Флобер писал Эмму не с себя. Он стал ею. Я читал письма Флобера. Оказывается, его тошнило в те часы, когда он писал сцену отравления Эммы.

— А вы не испытывали

Клод ШАБРОЛЬ:

Экран и сцена. - 1991 - 18 июля (№ 29) - с. 16

Я учил «Эмму» наизусть

нечто похожее в процессе адаптации сценария?

— Нет, видимо, подобные ощущения Флобер уже пережил за меня.

— Так все же, госпожа Бовари — это вы?

— Ну да. Хотя бы потому, что я не Шарль Бовари. Интересно, что Изабель Юппер, сыграв эту роль, утверждает: она-то вовсе, оказывается, не Эмма Бовари.

— Два года назад на Каннском фестивале была представлена работа нашего соотечественника Александра Сокурова «Спаси и сохрани», снятая опять же по мотивам романа Гюстава Флобера. Вам знакома эта картина?

— Нет. Я только пару месяцев назад узнал, что такой фильм существует. Хотел бы его увидеть. Думаю, однако, что меня не обманывает ощущение: фильм был снят с особым сокурским темпераментом. То есть была рассказана собственносокурская история, схожая в основных контурах с историей некой Эммы Бовари. В жизни ведь

немало похожих историй! Я же, повторю, буквально учил «Эмму» наизусть по Флоберу.

— Вы не хотите сравнить друг с другом наиболее известные в кинемире версии этого романа? Например, фильм Жана Ренуара или Винсента Минелли?

— Нет, конечно. У каждого из них были, наверное, свои задачи.

— Вместо традиционного последнего вопроса о планах на будущее...

— Ой, набил оскомину этот вопрос.

— Да, но вместо него у меня в запасе другой, не слишком, наверное, порочный. Вы можете сказать по некоторой, чуть схожей с флюберовской, аналогии: «Мой любимый французский режиссер — это я?»

— Давайте я скажу так: мое любимое кино — французское кино!

Беседу вел
Натэла МЕСХИ.

Фото С. Тимофеева.

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО